

СУДЬБА ТАЛАНТА

ПОВЕЗЛО ИЛИ НЕТ ИРИНЕ МУРАВЬЕВОЙ?

Статья эта была подготовлена к печати, когда жизнь устроила автору серьезную проверку. На афише театра имени Моссовета появилось новое название — пьеса Л. Зорина «Цитата». Одну из центральных ролей сыграла Ирина Муравьева. И, разумеется, возник вопрос к автору — а справедлив ли он в своих рассуждениях и упреках?

В остросовременной, афористичной комедии, поставленной с использованием открыто пародийных приемов, актрисе досталась роль избалованной дочки «ответственного» бюрократа и начетчика: девицы, мучающейся дурью в поисках престижного мужа из «своего круга». Гротеск в такой работе вполне уместен. Но что же делает актриса?

Она собрала все известные ей приемы сценического и экранного гротеска только для того, кажется, чтобы зритель обратил внимание на ее персонаж. И зритель обращает внимание, смеется и аплодирует, потому что привык ждать от Муравьевой нечто экстравагантное... Привык... И получает ожидаемое.

Но ничего более.

Нет, это не вина, а беда и ее и режиссера, потому что в этом достаточно однолинейном характере, превращающем персонаж в функцию драматургического сюжета, Муравьевой тесно, нет даже оснований для сложных психологических ходов, к которым она всегда тянется. И она вынуждена искать способ оправдать надежды зрителей, ибо в противном случае в спектакле получится совсем не планируемая ни драматургом, ни режиссером эмоциональная «дыра».

Аплодисменты после премьеры стихают, но опять возникает вопрос: «А рационально ли потрачены еще несколько лет?»

СРЕДИ «вечных» тем центральной критики едва ли не самая постоянная — творческая занятость актеров и упущенные возможности.

«Как мало он (она) успели сыграть...» — это обычно об уже ушедших...

«Уже не сыграю я...» — а это обычно из интервью мастеров современной сцены, перешедших порог зрелости и славы.

Но почему? Извечный Его Величество Случай? Не повезло?

Тогда в чем он, этот случай, должен был состоять и по какой именно причине не повезло?

Когда речь идет об ушедших великих, тогда уже не критики, а историки культуры пытаются что-то объяснить.

Когда жизненный путь большого художника завершен, вполне естественно и правомерно выяснить обстоятельства, осложнившие его творчество. И мы с относительной полнотой представляем себе, отчего «не доиграли» Раневская и Бабанова, Эрст Гарин или Юрий Кольцов...

Ну а если о тех, кто рядом? Кто еще полон сил и надежд? Попробуем о них. Только без мистического «не повезло» и без фарисейского «браве можно сравнивать!». Не будем бояться сопоставлений, в конце концов история поправит. Мои родители хорошо помнят, какой шквал негодования поднялся в прессе, когда кто-то из критиков времен их школьной юности сравнил молодых актеров только народившегося «Современника» с мастерами Художественного театра. А для меня и моих сверстников эти самые артисты и есть МХАТ: и звания у них, как у корифеев, и роли, и популярность. Просто через двадцать пять лет время расставило свои акценты.

КОГДА в спектакле «Дальше — тишина!» Ирина Муравьева вышла на сцену театра имени Моссовета вместе с Фаиной Георгиевной Раневской и Ростиславом Яновичем Пляттом, то эти великие артисты признали за дебютанткой право на равенство. Плятт отметил ее «колоссальную внутреннюю энергию». Раневская с присущим ей даром провидения говорила о своеобразии дарования: «Вы похожи сами на себя, и работать вам, деточка, будет, ох, как трудно».

К тому времени И. Му-

равьева почти семь лет проработала в ЦДТ, завоевала популярность и у телезрителей.

Конец 70-х — всплеск популярности И. Муравьевой. Она занята любимым делом с утра до вечера: вводит сразу в три спектакля, три «своих» премьеры в театре, среди них Грушенька в «Братьях Карамазовых»; началось триумфальное шествие по киноэкранам фильма «Москва слезам не верит», серьезные роли в кинокартинах «Охота на лис» Абдрашитова и «Мы, нижеподписавшиеся» Лиозновой; бесспорный успех телеспектаклей «Доктор философии» и «Мораль пани Дульской».

Муравьевой все чаще предлагают роли, где меняется лишь антураж событий, а характер героини остается без изменений. Все чаще ей предлагают давно найденное и освоенное.

Режиссеры в своих интервью говорили о необходимости использовать дарование актрисы как можно полнее. Правильнее и честнее было бы говорить об эксплуатации навыков и популярности.

Постепенно, незаметно, наконец, для зрителей, но ощутимо для актрисы обозначилась открытая преемственность ее киноперсонажей. Преемственность, увы, не нравственно-эстетическая, а «типажная». Юная провинциалка в «Карнавале» (1982 год) скопирована с Людмилы из картины «Москва слезам не верит» (1979 год), а та в свою очередь чрезвычайно похожа на Зинаиду Багряеву из телеспектакля «Разные люди» (1973 год). Совсем недалеко от них ушла и Надя Клюева из последнего фильма актрисы «Самая обаятельная и привлекательная» (1985 год).

Все вышепоименованные девушки однообразны в своих переживаниях и поступках.

Можно, конечно, укорить артистку — мол, почему не отказалась. Отказывалась. Из нескольких десятков предложений (!) она принимает одно. Но ведь и не сниматься вообще нельзя. Актер должен быть жадным к работе, должен играть много и часто — эта истина наконец перестала стыдливо замалчиваться. Ушли, наконец, в небытие анекдоты типа: «Назовите три фильма, в которых артист Д. не участвует...». Будем откровенны: несколько лет актер не появляется на экране, и его напрочь забывают не только зрители, но и ре-

жиссеры. Это тоже аксиома, только грустная.

Но ведь есть театр! Родной дом драматического актера!

В кино ведь он все равно приходящий работник — сделал свое дело и до свидания.

И что же в родном доме?

Последняя по времени премьеры Муравьевой состоялась 27 февраля 1982 года — «Комната» Э. Брагинского — спектакль, где откровенно эксплуатировалась привычка зрителей к киноролям актрисы. Играла Альбину, Муравьева заразительна, музыкальна, эксцентрична, темпераментна и... все! Ни драматургия, ни режиссерская подготовка на серьезное раскрытие серьезных жизненных проблем не претендуют.

Четыре года И. Муравьева не имеет ни одной новой роли. И в текущем репертуаре не перегружена. Я посчитала по афише: в нынешнем сезоне заслуженная артистка республики И. Муравьева выходила на сцену 4—5 раз в месяц, не чаще. А есть месяцы, когда она играла по 2 (!) спектакля. Так недолго и до профессиональной дисквалификации.

В фойе театра имени Моссовета висит портрет Ю. А. Завадского — вероятно, в знак верности его заветам. Не худо бы вспомнить, как замечательный режиссер писал о «творческом режиме театра» и на первое место ставил два условия: постоянный тренинг актеров и ответственность руководителей за непрерывность его.

Ощущает ли сегодня эту ответственность художественный совет театра за актрису Ирину Муравьеву?

Бывают актеры «конфликтные» — их неудовлетворенное самодлюбие, повышенное внимание к собственной персоне нередко оказываются причиной неудовлетворительных творческих результатов. Попросту говоря, режиссеры не слишком рвутся с ними работать.

Муравьеву в труппе любят — человек она скромный и отзывчивый. И все-таки ответ на вопрос о ее малой занятости надо искать в сфере этической. И касается он не только судьбы Ирины Муравьевой.

Очевидна закономерность: чем своеобразнее индивидуальность актера, тем чаще в его художественной биографии встречаются «зоны пустоты». Потому что поставить спектакль «на актера» — о чем постоянно толкует театральная общественность и зрители, не на словах, а на деле можно лишь максимально умерив режиссерский эгоизм, согласовав меру эстетического самовыражения постановщика с устремлениями исполнителя.

Знаменитое «умереть в актере» в таком спектакле — обязательное условие его существования. Но как редко это бывает на практике!

Критики теперь часто пишут, что эпоха жесткого режиссерского театра позади. А мне кажется, что это еще благие намерения, достаточно далекие от реальности. По крайней мере, когда размышляешь о судьбе Ирины Муравьевой, о ее ролях в театре имени Моссовета.

Впрочем, конкретное имя здесь уже не имеет значения.

Большой актерский список можно составить.

Обидно...

Н. ГОРСКАЯ.